

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

УДК 008

DOI: 10.24412/2070-075X-2023-4-7-13

С.В. Кудряшов**КУЛЬТУРА И МИФОЛОГИЯ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ: СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с соотношением культуры и мифологии в культурологических исследованиях. Через символическую концепцию культурогенеза показывается формирование смыслообразующих мифологем, влияющих на стереотипы смыслообразования. Механика восприятия действительности человеком культуры рассматривается в ее связи с динамикой мифологии. Рассматриваются концептуальные построения исследователей, связывающих темы мифологии и мифологизации с основами мировоззрения и сознательной рефлексии. Делается вывод о том, что при исследованиях в области внутренней стороны культуры необходимо учитывать схематику концептуализации реальности человеком.

Ключевые слова: мифология, культура, мировоззрение, семантика, культурогенез, рефлексия, интерпретация, смыслообразование, концептуализация, когнитивный процесс, ментальные структуры сознания.

Актуальность темы исследования. Отношение к мифологии в научном поле имеет двойственный характер: с одной стороны, миф – это всего лишь одна из ступеней общественного сознания, которая «исторически изжила себя» [8. С. 582], с другой – «подлинная и максимально конкретная реальность» [5. С. 37]. И, в зависимости от характера определения по отношению к истории культуры как науке, изучающей аспекты осмысленной человеческой деятельности, как систему, – возникают два полярных по отношению друг к другу способа осмысления мифа как феномена. Первый говорит нам о мифологии как о явлении, имеющем отношение к архаической культуре, другой ставит мифологию в основу смыслообразования.

Исходя из этого, мы можем сказать, что проблема соотношения мифологии и культуры до сих пор остается одной из важнейших тем как в теории, так и в истории культуры.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика по отношению к мифологии как форме мировоззрения со времени своего появления претерпела определенное развитие. Так, до начала XX века миф рассматривался как одна из начальных стадий становления культуры, связанная, в первую очередь, с ее «донаучностью». Здесь мы видим В. Вунда, Э. Тайлора, Дж. Фрезера и других исследователей. Но уже в романтизме, а особенно в неоромантических концепциях, мифология начинает рассматриваться как универсальная форма бытия. В концепциях Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, Б. Малиновского мы видим миф как основу жизнеобеспечения механизмов культуры; З. Фрейд, К.-Г. Юнг, К. Хорни дают нам понятие о мифологии как символическом выражении индивидуального и коллективного бессознательного. О фундаментальных позициях мифа в культуре говорит А. Ф. Лосев; Ж. Сорель трактует мифологию как совокупность взглядов, побуждающих к действию. Э. Кассирер говорит о мифе как связи человека и мира при посредстве механизмов, определяющих соотношение символики и смыслообразования. Р. Барт указывает на то, что формирование ментальных структур

не только связано с мифом, но и само по себе становится мифологией как таковой. К. Леви-Стросс говорит о соответствии представления о мире с самой реальностью, что в виде мифологии выступает явлением языкового порядка.

Концепциями названных исследований проблематика мифа не исчерпывается, однако мы видим то, что заданная дискуссия о месте мифологии в культуре продолжает быть актуальной.

Цель исследования – дать характеристику становлению научных концепций о природе мифа и, в зависимости от этого, сделать выводы относительно феномена мифа, динамики мифологии в культуре, а также ее влияния на смыслообразование.

Задачи исследования:

– рассмотреть соотношение культуры и мифа в фокусе культурфилософской проблематики;

– раскрыть смысл символической концепции культурогенеза как совокупности исторически устоявшихся праобразов и знаковых конструкций в их отношении к формированию смыслообразующих мифологем;

– проанализировать механику восприятия действительности человеком культуры в ее связи с динамикой мифологии;

– исходя из полученных результатов, определить дальнейший возможный ход исследований в теории и истории культуры.

Аналитическая часть исследования. Соотношение культуры и мифа до сих пор остается актуальной проблемой, несмотря на то, что сама тема мифологии в культуре исследована уже достаточно хорошо. Но, во-первых, по отношению к проблематике мифа мы видим диапазон мнений, крайние точки которого, как уже указывалось, противоположны друг другу. Если мы находимся в поле первой крайности, то здесь мы видим миф как архаическую форму общественного сознания; по мере отхода от нее мы начинаем наблюдать вариативность, постепенно приближающую нас к пониманию мифа как единственно возможной форме рефлексии человека в культуре.

Таким образом, проблематика мифологии в истории культуры задает нам динамику своего развития. Но в то же время мы видим здесь и возможность говорить о динамике самой мифологии в социокультурной сфере, которую можно проследить на любой стадии культурогенеза. А если принять во внимание то, что разговор о мифе, как о мировоззрении подлинного бытия, дает нам образ феномена, обуславливающего «особенности мировоззрения и социального поведения человека» [9. С. 3], который, к тому же, выступает как «самостоятельный идейно-смысловой конструкт» [9. С. 3], то есть становится необходимым условием сознательного существования с тождественностью реальности и ее видимого образа, – мы можем сказать, что миф нужно рассматривать как символическую форму культуры, претерпевающую свои собственные становление и развитие и находящуюся в прямом отношении со структурами, опосредующими взаимодействие человека с миром, а также моделирующими мир в сознании человека, согласно той культуре, к которой он принадлежит.

Многие исследователи, начиная с Ф.В. Шеллинга, связывали темы мифологии и мифологизации с основами мировоззрения и сознательной рефлексии. Ф.В. Шеллинг, например, отмечая характерное для своего времени отношение к мифологии как к предмету «только историко-эмпирического рассмотрения» [10. С. 110], указывает на то, что надо иметь в виду «не нами объясняемую, но саму себя объясняющую мифологию» [10. С. 113]. Кроме того, он говорит о том, что существует «надисторическое начало мифологии» [10. С. 124], что уже становится важным для истории культуры. Можно сказать, что его исследования сводятся в основном к типологическому сравнению мифа с иными феноменами культуры, но мы можем видеть у него начало новой традиции понимания мифологии как смыслообразующего принципа.

Далее мы видим исследования в области социологии, где миф становится основой регенерации механизмов культуры (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, Б. Малиновский).

Параллельно с этим начинаются исследования мифа в психологии, – в его соотношении с индивидуальным и коллективным бессознательным в их символическом выражении. Становится актуальным изучать влияние мифологии на формирование неврозов, которые начинают восприниматься в качестве последствий культурного воздействия на человеческое сознание (З. Фрейд, К.-Г. Юнг, К. Хорни).

Ж. Сорель характеризует мифологию как семиотический феномен, функциональным аспектом которого становится семантическая интерпретация значения и смысла знаковых систем.

Интерпретацию символов природного мира в виде способа приспособления к нему человека мы, как тему для исследования, видим у Э. Кассирера. В его концепции символы мира относятся не к самим его предметам и феноменам, а к их смысловой принадлежности. Таким образом, появляется символическая концепция культурогенеза, переводящая культуру в адекватную самой себе символическую форму.

Р. Барт, называя вторую половину XX века привилегированной областью мифических значений, через взаимообусловленность мифа и слова, говорит о том, что мифология «вырабатывает вторичную семиологическую систему» [1. С. 289], то есть, в этом случае, дискурс, как социокультурный феномен, связанный с формированием ментальных структур, становится напрямую связанным с мифологией как таковой.

К. Леви-Стросс дает «определение языка и речи через временные системы, к которым они соответственно относятся» [4. С. 217], отмечая, что «миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее, и будущее» [4. С. 217]. Здесь мы видим отождествление реальности с представлением о ней, актуальное как для архаики, так и для современности. Это отождествление во многом связано с образами культуры, определяемыми языком, и в нем мифология экзистенциально связана с сознанием человека, выступая фундаментальной компонентой сознательного бытия, инициирующей культурную ситуацию как таковую.

Таким образом, можно сказать, что анализ становления концепции, показывающей природу мифа по отношению к истории культуры, уже может позволить нам прийти к обобщающей модели смыслообразования, в которой миф и мировоззрение не только связаны между собой как родственные и взаимодополняющие категории, но и представляют единое смысловое поле, связанное, в свою очередь, с восприятием человеком окружающего мира и своего места в нем. То есть миф и культура начинают соотноситься здесь как взаимообусловленные феномены.

Здесь возникает хорошо известная тема ментальности в культуре как комплекса культурных, интеллектуальных и эмоциональных особенностей, имеющих определенную ценностную ориентацию и поведенческие установки. Вследствие этого, культурные установки, определяемые ментальными структурами сознания, становятся феноменом, связанным с механикой восприятия реальности человеком, наделенным разумом, то есть, исходя из вышеизложенного, – своего рода мифом, вернее будет сказать, мифами, поскольку поле культуры предполагает вариативность. Поэтому мифология здесь будет разного порядка, соотносимая как с каждым конкретным культурным периодом, так и с каждой отдельной культурой, так как в рамках определенной культуры мифология складывается из совокупности ментальных представлений о значении тех или иных символов.

Динамика мифологии в культуре, таким образом, становится связанной с динамикой ментальности, и, говоря о динамике мифа в культуре, мы будем исходить из того, что носители разных культур видят мир и его феномены по-разному, согласно своим культурным предпосылкам. Акт восприятия действительности опосредуется внутренними ментальными структурами, – в виде форм общественного сознания, причастных к интерпретации того, что воспринимается человеком как реальность, – на уровне исторически устоявшихся образов и знаковых значений.

Здесь мы можем видеть известную проблематику соотношения формы и содержания, связанную с единством процесса, в котором действие и представления о нем не отделены одно от другого и где основой сознательного взаимодействия человека с миром становится система значений. Именно этим процессом определяется появление языка, который, формируя культуру как текст, структурирующий собой соответствующую символику, образность и знаковую интерпретацию, делает возможным воспроизводство культуры. И именно здесь мифология проявляется как форма существования человека в культуре, когда утилитарное использование материального начинает совмещаться с его знаковой функцией, в процессе чего начинают появляться смыслы, «находящие отражение в результатах этой деятельности – предметах и явлениях культуры» [2. С. 8] и имеющие свое продолжение в ритуальности жизни, в которой рефлексия и действия человека становятся, по сути дела, осмысленной формой бытия.

Развитие этой формы как раз и имеет свою динамику, с которой напрямую связана любая конкретная культурная ситуация – начиная с архаической мифологии и кончая современными мифологическими парадигмами. В этой динамике (как становлении человека в культуре) символы и знаки становятся причинами смыслообразования, кодифицирующими феномены культуры, которые в общем плане могут быть структурированы как онтологические, социальные, гносеологические, этические и эстетические. Все эти феномены, как многоаспектность целого, мы можем проследить в истории культуры на любом этапе социокультурного развития, и, следовательно, формировать гипотезу мифологической ситуации соответствующего периода, то есть делать выводы о ментальной ситуации того или иного течения в культуре. Это дает возможность сформировать комплементарную теорию о поступательном развитии мифологических оснований в культуре – от культурогенеза до мифологических предпосылок постмодерна.

Таким образом, можно сказать, что, с одной стороны, миф гипотетически сводится к форме сознательного бытия. С другой стороны – это формирование в сознании некой картины мира, созвучной определенной культурной ситуации. А поскольку история культуры дает нам вариативность ментальной рефлексии, мы можем сказать, что только с появлением науки складываются предпосылки для понимания сути мифа со стороны; то есть, по версии Р. Барта, для появления своего рода мифолога, который «исключен из числа потребителей мифа» [1. С. 321]. Однако внутри мифа и мифолог, и противопоставленный ему мир находятся в одном смысловом поле, будучи объединенными в самих условиях мифологии, ведь противостояние понимающего и понимаемого выступает одним из неперенных условий этого мифа, – и мы видим, что в данном случае мифолог сам находится в мифологической ситуации, которая тоже требует своей гипотетической трактовки со стороны.

В любом случае, когда мы говорим о мифологии, как о некой культурной кодировке по отношению к особенностям и отличиям определенного этноса или нации, мы вынуждены говорить о стереотипах, возникающих по мере становления этого этноса, подразумевая, к тому же, более древние процессы, – доходя до ситуации, когда человечество в целом имеет отношение к коммуникативным системам примитивного типа. То есть, по сути дела, до времен появления языка, в котором начинает фиксироваться «результат концептуализации мира человеком» [3. С. 91] в виде языковой картины мира, выступающей как «фильтр, который из всего универсума возможных значений выбирает некоторое их подмножество» [3. С. 89].

Язык, даже примитивный, есть знаковая система, в которой все ее единицы и правила «семантизированы – наделены значениями, общими для всех пользователей» [3. С. 183]. Поэтому мы можем сказать, что видим здесь, в качестве исходной ситуации, бессознательное начало, о котором говорит К.Г. Юнг, совмещенное с «общими законами образования представлений» [6. С. 38], которое мыслит себе Э. Кассирер. То есть начало морфологии мифа в его космогоническом генезисе, или начало возникновения

архетипических матриц и форм, которые затем, пройдя фазу подлинного бытия в первобытном синкретизме, так или иначе остаются в структуре мифа, поскольку «всякий миф выражает появление новой космической “ситуации” или некое первичное событие, которое становится в силу одного этого, что оно таким образом выражено, парадигмой на все последующие времена» [11. С. 379], и становится одной из «чрезвычайно сложных реальностей культуры» [12. С. 19], которое «можно изучать и интерпретировать в самых многочисленных и взаимодополняющих аспектах» [12. С. 19].

Следует добавить, что, говоря об аспектах, дополняющих друг друга, нельзя не сказать об отношении к мифу и мифотворчеству с точки зрения смыслообразования как когнитивного процесса, связанного, на первый взгляд, с сугубо психологической проблематикой. Здесь мы видим то, что касается перехода от образа к мысли в ментальных структурах сознания, сопряженного с переводом образа в знаково-логическую форму с помощью языка. Иными словами, перевода зримого в мыслимое, а также создание умозрительного, когда в языке начинает фиксироваться опыт кодировки образа в смыслообразующие структуры, то есть «через установление знака отдельного образа “над” содержанием образа» [7. С. 28]. Соответственно, мы видим, что в этом случае «мысль формируется в процессуальном воздействии на образы с помощью операций, извлекаемых из самой же образности и фиксируемых знаками языка» [7. С. 28].

Культурно-историческое направление в отечественной психологии, где мы видим Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, Б.В. Зейгарник и других исследователей, – дает нам именно такой принцип преобразования чувственных форм сознания в логико-грамматический формат, определяемый языком.

Психология же говорит нам о деятельности высших психических функций, однако там, где речь идет о языке, мы видим и лингвистику, и философию, и культурологию, – то есть широкий спектр гуманитарных наук. И если мы допускаем формирование определенных смысловых структур в ментальной области сознания, адекватных, например, архетипам К.Г. Юнга, то сам собой напрашивается вывод о том, что здесь мы видим «базовые характеристики, которые определяют переход от образа к мысли и свойственные этому переходу процессы, порождающие мифы и мифоподобные структуры сознания» [7. С. 28].

Эти структуры, как своего рода базовые установки, становятся ключевыми для осмысления действительности в ее движении и динамике. Таким образом, мифология как таковая становится как способом отражения внешнего образа в сознании (в процессе чего образ переводится в знаковую форму согласно уже существующим первичным установкам), так и фундаментальным принципом мышления, определяющим образование культурного пространства, как «второй природы», через призму которой человек начинает видеть и природу «первую», как ряд определенных функций, соответствующих становлению ментальных структур в социокультурной динамике. То есть этот подход к феномену мифологии говорит нам о том, что культура как продукт ментальных структур – механизмов, преломляющих окружающий мир в сознании человека, – в виде структурированной системы складывается из определенных ментальных моделей, обусловленных обобщением, переработкой и концептуализацией информации с помощью психолингвистических образований, являющих собой логико-грамматические формы. Эти логико-грамматические формы, фиксируемые языком, как знаковой системой, являют собой базовые смысловые конструкторы, выступающие основой и основными критериями как для восприятия и оценивания происходящего, так и для формирования мировоззренческих концептов. Мифология здесь – это и есть продукт складывания смысловых конструкторов в мировоззренческие концепции, исходя из которых человек культуры по-своему видит окружающий мир, отражающийся в его сознании, и формирует свое к нему отношение в виде предметов и мыслей, имеющих знаковое или символическое содержание.

Таким образом, культуру как динамический процесс можно рассматривать в виде развития мифологии как феномена, связанного с одной из фаз когнитивного процесса, обусловленного переходом от образа к мысли и формирующего ментальные структуры сознания. Мифология в этой схематике выступает собственно человеческим качеством, позволяющим человеку выстраивать в своем сознании гуманитарную плоскость бытия, которая, собственно, и есть осмысленная реальность как таковая. Исходя из этого, можно сказать, что любой диссонанс в этой плоскости может повлечь за собой кризис, преобразующий становление в регресс. Гармоническое же соотношение образа и мысли в человеческом сознании создает предпосылки для того или иного типа общественного сознания, направленного на преодоление противоречий человеческого бытия, – то есть творческого преобразования мифологических форм в структуру собственной культуры, определяющую мироощущение того или иного социума. Трансформации мифа в культуре, связанные с тем или иным периодом социокультурной динамики, не отменяют миф как таковой, но преобразуют его в новую мифологию, с позиций которой, в том числе, становится возможным изучение прежнего как в целом, так и применительно к его влиянию на мифологию актуальной культуры.

Следуя из этого, можно сказать, что в задачи истории культуры, как науки, исследующей гуманитарный аспект человеческой деятельности, а также аксиологическо-мировоззренческие ситуации различных исторических эпох разных культур и народов, – должно входить изучение мифологического измерения разных типов культур как совокупности исторически устоявшихся праобразов и знаковых концептов в их отношении к формированию смыслообразующих мифологем. Без этого исследование социокультурной динамики будет иметь поверхностный характер, не раскрывающий сути тенденций в культуре, и, следовательно, не выявляющий в полной мере закономерностей и системных характеристик развития культуры. Значит, можно сказать, что взаимосвязь, выражаемая понятиями «культура» и «мифология», предполагающая исследование мифа как феномена культуры, не должна носить сугубо относительный характер. При исследовании внутренней стороны культуры необходимо исходить из схематики концептуализации реальности, в которой мифология и культура представляют собой одно целое, – как интерпретация внешнего образа и перевода его в знаковую форму через механику познавательных процессов и дорефлективный опыт сознания.

Литература

1. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2023. 351 с.
2. Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. 272 с.
3. Касевич В.Б. Проблемы семантики. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. 304 с.
4. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
6. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Академический проект; Мир, 2012. 331 с.
7. Найдыш В.М. Мифотворчество в деятельности сознания // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 26–34.
8. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 2. / Ин-т философии РАН; Нац. общ.-научн. фонд. М.: Мысль, 2010. 634, [2] с.
9. Раздьяконова Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2009. 24 с.
10. Шеллинг Ф.В. Философия мифологии. В 2-х т. Т. 2. Монотеизм. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. 544 с.
11. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
12. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2021. 235 с.

Culture and Mythology in Cultural Studies: A Meaning-Forming Aspect

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2023, 4 (91), 7–13.

DOI: 10.24412/2070-075X-2023-4-7-13

Sergei V. Kudryashov, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: skudr33@mail.ru

Keywords: mythology, culture, worldview, semantics, cultural genesis, reflection, interpretation, meaning formation, conceptualization, cognitive process, mental structures of consciousness.

The article examines issues related to the relationship between culture and mythology in cultural studies. Through the symbolic concept of cultural genesis, the formation of meaning-forming mythologies that influence stereotypes of meaning formation is shown. The mechanics of perception of reality by a person of culture is considered in its connection with the dynamics of mythology. The conceptual constructions of researchers connecting the themes of mythology and mythologization with the foundations of worldview and conscious reflection, such as F.V. Schelling, E. Durkheim, L. Levy-Bruhl, B. Malinovsky, J. Sorel, E. Cassirer, R. Barthes, C. Lăvi-Strauss. The article also devotes space to studying the influence of mythology on the formation of neuroses, as consequences of cultural influence on human consciousness. A special place in the article is given to the mechanism of interdependence of the act of perception and the activity of internal mental structures, in their connection with the forms of social consciousness. The form of human existence in culture is considered through a situation when the utilitarian use of material begins to be combined with its sign function, in the process of which a picture of the world and the meaning of existence begin to appear. The development of this form of existence is considered in its dynamics – from archaic mythology to modern mythological paradigms. Based on the material presented, it is concluded that when researching in the field of the internal side of culture, it is necessary to take into account the schematics of human conceptualization of reality.

References

1. Bart, R. (2023) *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Akademicheskij proekt.
2. Kalinina, I.V. (2009) *Ocherki po istoricheskoy semantike* [Essays on historical semantics]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Kasevich, V.B. (2019) *Problemy semantiki* [Problems of semantics]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Levi-Stross, K. (2001) *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow: EKSMO-Press.
5. Losev, A.F. (2001) *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow: Mysl'.
6. Meletinskij, E.M. (2012) *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: Akademicheskij proekt; Mir.
7. Najdysh, V.M. (2017) *Mifotvorchestvo v deyatel'nosti soznaniya* [Myth-making in the activity of consciousness]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*. 5. pp. 26–34.
8. Stepin, V.S. et al. (eds) (2010) *Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
9. Razd'yakonova, E.V. (2009) *Mif kak real'nost' i real'nost' kak mif: mifologicheskie osnovaniya sovremennoj kul'tury* [Myth as reality and reality as myth: mythological foundations of modern culture]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Tomsk.
10. Shelling, F.V. (2013) *Filosofiya mifologii: v 2 t.* [Philosophy of mythology: In 2 Vols]. Vol. 2. Monotheism. Saint Petersburg: St. Petersburg State University.
11. Eliade, M. (1999) *Izbrannye sochineniya. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Selected Works. Essays on Comparative Religious Studies]. Moscow: Ladimir.
12. Eliade, M. (2021) *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. Moscow: Akademicheskij proekt.